

A photograph of two identical women with blonde curly hair and red lipstick, standing side-by-side in a workshop. They are wearing black leather corsets with white lace trim at the bust and waist, black lace underwear, and black thigh-high stockings with lace bands. They are also wearing black high-heeled shoes. The background shows a workshop with large windows, sewing machines, and other equipment. The text 'Александр Эрот' is written in a stylized font across the top of the image.

Александр Эрот

*Служебный приворот:
как разрушить
матриархат разводным
ключом*

18+

Александр Эрот

**Служебный приворот: как
разрушить матриархат
разводным ключом**

«Автор»

2026

Эрот А.

Служебный приворот: как разрушить матриархат разводным ключом / А. Эрот — «Автор», 2026

За обшарпанным фасадом текстильной фабрики скрывается не просто производство. Здесь, бьется пульсирующее, ненасытное сердце древнего матриархата, а мужчины добровольно и сладострастно отдают свою волю прекрасным ведьмам, превращаясь в послушных рабов чужого наслаждения. Максим, бывший десантник и суровый механик, пришел сюда просто починить оборудование. Он не собирался становиться новой покорной игрушкой в шелковых путах ковена. Его музой и союзницей становится Зоя — дерзкая жрица серверов, чья обнаженная, яростная страсть служит Максиму лучшим щитом от колдовского дурмана. Вместе им предстоит спуститься в самые влажные, порочные глубины этого лабиринта желаний. Что окажется сильнее: тысячелетняя магия суккубов, обещающая райское забвение, или грубая, первобытная мужская сила, вооруженная разводным ключом и техникой безопасности? Это история о том, как сталь покоряет шелк, а сопротивление оборачивается самым ослепительным экстазом.

© Эрот А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Эрот

Служебный приворот: как разрушить матриархат разводным ключом

Глава 1.

Стук шпилек по советскому кафелю звучал точь-в-точь как одиночные выстрелы из снайперской винтовки Драгунова. Цок. Цок. Цок. Равномерно, неотвратно и пугающе близко.

Я вжался в стеллаж, доверху забитый рулонами розового флиса, и молился всем богам, чтобы предательски скрипучая стремянка подо мной не издала ни звука. Если бы ротный пол-года назад, когда я демобилизовался из ВДВ, сказал мне, что я буду прятаться на складе женского нижнего белья от трех бухгалтеров, вооруженных степлерами и приворотными чарами, я бы отправил его к психиатру. Но сейчас мне было не до смеха. Я сжимал в потных ладонях разводной ключ на тридцать два, как единственное оружие пролетариата, и пытался не дышать.

— Макси-и-им... — протяжный, сладкий голос Эльвиры Эдуардовны, главы отдела кадров, скользнул между рядами коробок. От этого звука в воздухе явственно запахло дорогими духами, а у меня по загривку пробежал табун ледяных мурашек. — Ну куда же вы спрятались, наш сладкий мальчик? Вы же не починили принтер. И мы так и не допили кофе...

Кофе. Ага, как же. Тот самый кофе, в который эта роскошная стерва с идеальной укладкой незаметно капнула что-то светящееся фиолетовым светом из крошечного флакона.

Я — Максим Громов, двадцать два года, сержант запаса, механик-наладчик шестого разряда. Я прошел марш-броски по болотам в полной выкладке, выживал на сухпайках с истекшим сроком годности и чинил БТР в полевых условиях с помощью синей изоленды и мата. Я думал, что готов к любой жести. Я просто хотел тихую гражданскую жизнь, стабильную зарплату, чтобы закрыть ипотеку за крошечную студию в спальном районе, и, может быть, накопить на подержанный мотоцикл.

Именно поэтому три недели назад я откликнулся на вакансию главного механика на текстильной фабрике ООО «Шелк Ариадны». «Дружный женский коллектив, печеньки в офисе, ДМС», — гласило объявление.

Никто не предупредил, что «дружный коллектив» — это полноценный ковен ведьм, печеньки вызывают непреодолимое желание переписать на коллег свою недвижимость, а аббревиатура ДМС в их понимании означает «Добровольно-Магическое Служение».

— Девочки, он не мог далеко уйти, — раздался второй голос, более резкий. Это была Светочка из отдела логистики. Двадцать лет, хлопающие ресницы, пятый размер груди и способность одним взглядом заставлять металлические замки плавиться, как сливочное масло на сковородке. — Я заблокировала выходы иллюзией. Если он сунется к пожарной лестнице, ему покажется, что там обрыв в лавовое озеро. Ищите по ауре! Он так фонит тестостероном, что у меня аж кулон-амулет нагрелся!

Тестостероном я фонил. Я фонил животным ужасом.

Мой внутренний конфликт разрывал меня на части. С одной стороны, инстинкт самосохранения орал: «Беги, Макс! Выбивай окно, прыгай со второго этажа на козырек курилки и вали из этого города!» С другой стороны — у меня на карте оставалось ровно двести сорок три рубля, а аванс должны были перечислить завтра в обед. Если я уволюсь (или сбегу) сейчас, мне нечем будет платить за квартиру. Моя гордость и упрямство, вбитые сержантским сапогом в учебке, шептали: «Ты не сдашься кучке баб, даже если они умеют лечить фаерболы. Ты механик. Ты починишь эту ситуацию».

К тому же, был еще один нюанс. На фабрике кроме меня работали еще трое мужчин. Грузчик Толик, охранник Михалыч и водитель фуры Серега. Точнее, они были мужчинами. Сейчас это были пускающие слюни, абсолютно счастливые зомби.

Еще вчера я видел, как двухметровый, покрытый тюремными татуировками Толик, нежно напевая песни Валерия Меладзе, тащил на своем горбу пятьсот килограммов рулонов бархата, потому что секретарша Машенька «улыбнулась ему и попросила помочь». Толик не ел вторые сутки, он питался только ее одобрением. А Михалыч, суровый ветеран МВД, сегодня утром добровольно отдал свою зарплатную карту уборщице бабе Зине, заявив, что «материальные блага отягощают его карму, а служение богиням очищает чакры».

Эти ведьмы не убивали. Они делали хуже. Они превращали мужиков в идеальных, безвольных, счастливых симпов, лишенных свободы воли, чтобы те выполняли всю черную работу и осыпали их подарками. И я был их следующей целью. Новенький. Свежее мясо. Единственный, чей разум еще не сломался благодаря армейской контузии — как выяснилось, легкое повреждение нейронных связей в мозгу после взрыва светового гранаты давало неожиданный иммунитет к заклинаниям ментального контроля. Во всяком случае, к слабым.

Но сегодня они решили использовать тяжелую артиллерию.

Бз-з-з-з.

Свет на складе моргнул и погас. Помещение погрузилось в полумрак, освещаемый лишь уличными фонарями сквозь пыльные окна. И тут же между рядами кружевных трусиков и шелковых сорочек начало расплзаться неоновое-розовое свечение.

— Макс, вы ведете себя глупо, — голос Эльвиры стал ниже, вибрируя так, что у меня заныли зубы. Розовый туман клубился по полу, как сухой лед на дешевой дискотеке. — Мы же хотим как лучше. Мужчинам тяжело принимать решения. Ипотека, ответственность, стресс... Зачем вам это? Выпейте кофе. Расслабьтесь. Станете частью нашей большой, любящей семьи. Будете чинить станки, покупать мне цветы и чувствовать абсолютное, ничем не замутненное счастье. Это же идеальная сделка!

«Идеальная сделка, как же», — мрачно подумал я, нащупывая в кармане спецовки моток медной проволоки и изоленту.

Туман коснулся ножки моей стремянки, и я почувствовал, как в нос ударил приторный запах клубники и феромонов. Перед глазами на секунду поплыло. В голове вдруг промелькнула предательская мысль: «А ведь и правда... Зачем сопротивляться? Эльвира Эдуардовна такая красивая... И Толик вон, улыбается постоянно...»

— Отставить! — беззвучно рявкнул я сам себе, с силой кусая губу до вкуса железа. Боль отрезвила. Магия работала через дыхательные пути и электромагнитное поле.

Я должен был действовать. Действовать нестандартно, потому что против магии не учат воевать в Рязанском училище ВДВ.

Я быстро намотал один конец медной проволоки на металлическую стойку стеллажа (он был прикручен к полу, а значит — заземлен), а второй конец обмотал вокруг запястья. Импровизированное заземление от магического электричества. Затем я достал из нагрудного кармана свой главный козырь.

Вчера я тайком пробрался в лабораторию красильного цеха и смешал там сухой перламутровый пигмент, промышленный отбеливатель и немного алюминиевой пудры, оставшейся от ремонта

вентиляции. Я запихнул эту адскую смесь в пустую банку из-под энергетика. Я не знал, как это сработает на ведьм, но в замкнутом пространстве это должно было стать знатной хлопской.

Розовый туман уже поднимался к моим ботинкам. Сквозь просветы между коробками я увидел их. Три фигуры вышли на перекресток аллей стеллажей. Эльвира Эдуардовна в строгом костюме-карандаш, от которого исходило легкое сияние. Светочка в джинсах, играющая с

зажигалкой, пламя которой было неестественно зеленым. И третья — Риточка, стажерка, сжимающая в руках офисный степлер, заряженный, судя по искрам, отнюдь не обычными скрепками.

— Он где-то здесь, — прошипела Риточка, принюхиваясь. — Я чую запах машинного масла и упрямства.

— Блокируйте сектор, девочки, — скомандовала Эльвира. — Начинаем ритуал «Шелковой удавки». Если он не хочет по-хорошему, подавим его волю силой.

Они подняли руки. Зеленое, розовое и золотое свечение начало сливаться в единый пульсирующий шар над их головами. Воздух затрещал, запахло озоном так сильно, что заложило уши.

— Пора, — выдохнул я.

Я сорвал чеку (кусочек скотча) со своей самодельной светошумовой гранаты, ударил дном банки о край стремянки, чтобы запустить химическую реакцию, и с криком «За ВДВ и трудовой кодекс!» швырнул ее прямо в центр их магического круга.

Банка упала к ногам Эльвиры.

Она удивленно моргнула, ее идеальная бровь поползла вверх:

— Это еще что за мус...

БАБАХ!

Взрыв не был разрушительным, но он был ослепительным. Смесь перламутрового пигмента и алюминиевой пудры детонировала, заливая весь склад ослепительно-белой вспышкой и тысячами блесков. Магический шар, в который угодил заряд, дестабилизировался и лопнул с противным звуком рвущейся ткани. Ударная волна глиттера, пены и магии раскидала ведьм в разные стороны.

— Мои глаза-а-а! — завизжала Светочка, роняя зажигалку.

— Мой костюм от Шанель! — в ярости взревела Эльвира, кашляя розовым дымом и отплеываясь блестками. — Я превращу тебя в жабу, слышишь, механик?! В кастрированную жабу!

Я не стал дожидаться, пока у нее пройдет контузия. Сорвав с руки заземление, я спрыгнул со стремянки и рванул в противоположную от них сторону, к грузовому лифту.

Это была война. Война за мою свободу, за мою зарплату и за право оставаться нормальным мужиком в этом царстве безумного матриархата. И если для того, чтобы выжить на этой фабрике и получить свои деньги, мне придется перевести противостояние из магической плоскости в инженерно-тактическую — что ж, вызов принят.

Главное сейчас — добраться до щитовой на первом этаже и вырубить им генератор. Ведьмы, может, и контролируют умы, но без электричества их хваленые ткацкие станки не работают. А кто здесь главный по рубильникам? Правильно. Я.

Двери лифта открылись, и я влетел внутрь, нажимая кнопку первого этажа. Двери начали медленно съезжаться. И в этот момент в узкую щель просунулась изящная рука с идеальным красным маникюром. Двери с лязгом остановились. Металл по краям начал раскаляться докрасна.

В образовавшуюся щель заглянуло лицо Эльвиры. Ее прическа растрепалась, на носу блестело пятно из глиттера, а глаза... глаза были полностью черными, без белков.

— Конец рабочего дня еще не наступил, Максим, — прошипела она не своим, скрежещущим голосом, и металл дверей начал плавиться под ее пальцами. — Возвращайся на рабочее место. Или я уволю тебя... из жизни.

Я поудобнее перехватил разводной ключ.

Добро пожаловать в ООО «Шелк Ариадны». Скучно не будет.

Стальные створки лифта застонали, когда в узкую щель протиснулись пальцы с безупречным карминовым маникюром. Жар, исходящий от них, был почти осязаем — густой, влажный,

как дыхание тропической ночи. Металл под руками Эльвиры начал плавиться, приобретая чувственный, багровый оттенок, растекаясь мягкими каплями, словно горячий воск по разгоряченной коже. Ее лицо, появившееся в проеме, исказила сладострастная, почти демоническая гримаса предвкушения.

Но разум механика не поддался панике.

Резкий наезд камеры. Взгляд Макса падает на стену кабины.

Крупный план. Красный, тугой цилиндр порошкового огнетушителя.

Быстрый монтаж: Ладонь Макса обхватывает холодную рукоять. Большой палец ложится на металлическое кольцо.

КЛАЦ. Чека вылетает со звонким металлическим хрустом.

Макс вскинул раструб прямо в раскаленное, жаждущее лицо ведьмы.

— Остынь, — выдохнул он.

ПШШШШ! Ослепительно-белая, густая струя пены вырвалась наружу с яростным шипением, окатывая Эльвиру с ног до головы. Резкий, жестокий перепад температур сработал мгновенно. Раскаленный металл дверей издал пронзительный визг, пошел глубокими трещинами, не выдержав термического шока. Тросы дрогнули, и кабина с тошнотворным рывком ухнула вниз.

Удар. Темнота технического минус первого этажа. Макс чудом успел выкатиться в узкий зазор между этажами за секунду до того, как лифт, скрежеща, застрял в шахте.

Он тяжело дышал, лежа на прохладном бетоне. Тишина подвала обволакивала его, даря иллюзию полной безопасности. Адреналин медленно отступал, оставляя после себя лишь липкий пот, сковавший тело под грубой тканью спецовки. Ему нужно было смыть с себя этот липкий страх. Смыть запах их приторных духов.

Душевая для персонала в подвале встретила его полумраком и запахом сырой штукатурки.

Здесь, вдали от женских глаз, Макс позволил себе расслабиться. Грубая куртка соскользнула на пол. За ней последовала футболка, обнажая широкую грудь, блестящую от испарины. Каждое движение было наполнено тягучей усталостью. Он стянул брюки, оставшись в чем мать родила, и шагнул в узкую кабинку.

Поворот вентиля. Горячие струи воды с жадностью обрушились на его плечи. Вода ласкала его упругую кожу, стекала по напряженным мышцам спины, скользила по животу и бедрам, унося с собой напряжение безумного дня. Макс закрыл глаза, отдаваясь этому влажному, очищающему теплу, позволяя струям массировать его шею. На мгновение он почувствовал себя абсолютно свободным. Обнаженным, чистым и неуязвимым.

— Какой рельеф... — раздался вдруг низкий, вибрирующий шепот, пронзивший шум воды.

Макс распахнул глаза. Густой пар в душевой приобрел неоновро-розовый оттенок.

Они стояли прямо перед открытой кабинкой. Эльвира, чья одежда была в пятнах белого порошка, но чей взгляд горел еще более хищным огнем; Светочка, покусывающая нижнюю губу; и Риточка, не скрывающая восхищенной улыбки.

Они не нападали. Они просто смотрели. Их взгляды были почти физически осязаемыми — бесстыдные, липкие, скользящие по его мокрой, незащитной плоти. Они изучали каждую линию его тела, от широких плеч до сильных бедер, наслаждаясь его положением.

— А мы гадали, что скрывается под этой мешковатой формой, — мурлыкнула Светочка, медленно проводя языком по губам. — Оказывается, наш мальчик в идеальной форме.

— Смущается, — усмехнулась Эльвира, делая шаг вперед, ее каблук звонко щелкнули по мокрому кафелю. — Посмотри, как блестит его кожа. Какая очаровательная, первобытная уязвимость... Тебе не холодно, Максим? Может, согреем?

Стыд и обжигающая ярость вспыхнули в нем одновременно. Он был загнан в угол, полностью обнажен, выставлен напоказ перед ковром хищниц, которые упивались своей властью над его телом.

Внутренний десантник взял верх над стеснением.

— Не сегодня, дамы! — рыкнул он.

Быстрое движение

ШЛЕП. Мокрая босая нога отталкивается от бортика душевой.

ВЖУХ. Мыло, брошенное рукой Макса, летит прямо под ноги Светочке.

ВИЗГ. Она поскальзывается, взмахивая руками.

СВИСТ. Макс рывком проскальзывает в образовавшуюся брешь между их телами.

Он вылетел из душевой в коридор как пуля. Абсолютно голый, влажный, сверкающий в тусклом свете люминесцентных ламп.

Макс бежал, не оглядываясь, рассекая прохладный воздух подвала своим обнаженным телом, пока позади переливался перезвон издевательского, сладострастного женского смеха, обещающего, что эта охота только началась.

Тяжелая дверь без таблички подалась под его весом, и Макс буквально ввалился в спасительную темноту, тяжело дыша. Позади, за толстым металлом, затихли отзвуки издевательского смеха.

Он оказался в браковочном архиве — тайном святилище текстильной фабрики, где хранились рулоны отбракованного, но невероятно нежного, текучего шелка. Воздух здесь был густым, напоенным ароматом пыльной ванили и чего-то неуловимо пряного. Макс прислонился спиной к прохладной стене, пытаясь унять колотящееся сердце. Вода все еще стекала по его обнаженному телу, собираясь каплями на ключицах и рельефных мышцах живота.

И вдруг из бархатного полумрака протянулась рука.

Тонкие, прохладные пальцы коснулись его мокрого плеча. Это прикосновение не было хищным или насмешливым, как у тех, наверху. Оно было робким, исследующим, почти благоговейным. Макс вздрогнул, но не отстранился. Из теней, сотканных лунным светом, пробивавшимся сквозь узкое вентиляционное окно, выступила женская фигура.

Он не знал ее имени. Возможно, это была одна из тех, чье сознание еще не поглотила магия ковена, или пленница собственных желаний. На ней была лишь накинута на плечи тончайшая сорочка, скользившая по телу, как вода.

Ее глаза, темные и влажные, остановились на его наготы. Но в них не было насмешки — только глубокая, первобытная замороженность красотой мужского тела, застывшего на грани между страхом и яростью.

Она сделала шаг ближе, и тепло ее дыхания коснулось его груди. Тонкий шелк соскользнул с ее плеч, опадая к ногам бесшумным водопадом. В полумраке ее кожа светилась бледным перламутром.

— Ты дрожишь... — шепнула она, и ее голос оказался мягким, как ткань, окружавшая их.

Ее губы коснулись его шеи, собирая соленую влагу страха и воды. Этот легкий, невесомый поцелуй стал искрой, упавшей на сухой порошок его напряженных нервов. Весь адреналин, вся звериная энергия погони внезапно трансформировались в обжигающую, пульсирующую волну желания. Забыв о преследовательницах, о магии, о безумии этого места, Макс подался вперед.

Его сильные, все еще влажные руки обхватили ее тонкую талию, притягивая к себе. Контраст его твердых, литых мышц и ее податливой, горячей мягкости лишил рассудка. Она выдохнула его имя с долгой, вибрирующей истомой, когда он прижал ее к груди разбросанного шелка.

Ткань проминалась под ними, создавая иллюзию погружения в прохладное, скользкое море. Ее пальцы запутались в его коротких волосах, а губы нашли его губы — жадно, глубоко, с отчаянной откровенностью. Макс целовал ее, скользя ладонями по плавным изгибам ее спины,

спускаясь ниже, исследуя каждый дюйм ее трепещущего тела, словно слепой, впервые познающий форму абсолютной красоты.

Каждое прикосновение было пропитано тягучей, электрической негой. Когда он медленно и уверенно вошел в нее, тишину комнаты разорвал ее сладкий, сорванный стон. Она выгнулась навстречу, принимая его полностью, обвивая его бедра своими ногами.

Их ритм родился из самого биения крови. Медленные, глубокие движения на шелковых волнах становились все настойчивее, превращаясь в гипнотический танец. В этом скользящем полумраке, среди ароматов женской влаги и мужского пота, стирались все границы. Макс чувствовал, как ее ногти впиваются в его плечи, как ее тело пульсирует, отвечая на каждый его толчок горячим, влажным сжатием.

Она вела его за собой в те глубины наслаждения, где не существовало ни прошлого, ни будущего — только обжигающее настоящее. Нарастающее напряжение внутри него свернулось тугой пружиной и, наконец, взорвалось, затопляя его сознание ослепительной белой вспышкой. Она закричала, заглушая свой крик его поцелуем, содрогаясь в долгих, нескончаемых волнах оргазма.

Они долго лежали в объятиях друг друга на смятом шелке, опустошенные и заново рожденные. Ее голова покоилась на его вздымающейся груди. Впервые за этот бесконечный день Макс закрыл глаза, позволяя себе раствориться в теплой, безопасной тишине ее присутствия, зная, что за этой дверью его ждет война, но здесь, в этот момент, он принадлежал только ей.

Глава 2.

Прохладный воздух технического коридора приятно остужал разгоряченную кожу. Прокравшись в тесную, пропахшую старой резиной щитовую, Макс первым делом добрался до своего железного шкафчика. Натянув на еще влажное, чувствительное после недавних ласк тело грубые рабочие штаны из плотного денима, он ощутил странный контраст: грубая ткань царапала бедра, возвращая его к суровой реальности из мира шелковых иллюзий.

Его план был прост, как устав караульной службы: опустить тяжелый рычаг главного рубильника, погрузить это царство похоти и магии во тьму, забрать куртку и исчезнуть в ночи. Раствориться. Спасти свой разум и свою свободу.

Его рука уже легла на холодную рукоять рубильника, когда снизу, сквозь широкую вентиляционную решетку в полу, донеслись звуки.

Это были не крики боли. Это были низкие, гортанные, вибрирующие стоны, полные такой тяжелой, животной покорности, что у Макса по спине пробежал холодок. Забыв о рубильнике, он опустился на колени и, повинувшись властному инстинкту вуайериста, прильнул лицом к пыльным металлическим прутьям.

Там, в глубоком подвале, залитом пульсирующим карминовым светом, разворачивалась сцена, поражающая своим извращенным, декадентским великолепием. Воздух гудел от концентрированных феромонов, запаха плавящегося воска и мускуса.

Двое мужчин — здоровяк-грузчик Толик и суровый охранник Михалыч — стояли на коленях в центре начерченной на полу гексаграммы. Они были обнажены по пояс. Их мощные, блестящие от обильной испарины торсы туго, с садистской изысканностью перетягивали широкие ленты багрового шелка. Ткань впивалась в плоть, подчеркивая каждый мускул, заставляя мужчин тяжело, прерывисто дышать. Их глаза были затуманены, полуприкрыты в наркотическом трансе сладострастного подчинения.

Вокруг них медленно, по-кошачьи плавно кружили ведьмы. Эльвира Эдуардовна, скинув испорченный жакет, осталась в одном тесном кружевном корсете, едва сдерживающем тяжелую грудь. В ее руках тускло мерцала длинная, искусно выкованная игла, кончик которой светился неестественным, обжигающе-розовым жаром.

— Вы были хорошими мальчиками, — ворковала она, проводя прохладными пальцами по широкой спине Толика. От этого легкого касания огромный мужчина содрогнулся, выгибаясь назад с протяжным, влажным стоном. — Пришло время окончательного оформления в штат. Никаких увольнений. Никакой свободы воли. Только вечное, безграничное служение нам... и бесконечное наслаждение.

Светочка, чьи губы призывно блеснули в полумраке, прижалась сзади к Михалычу, ее руки скользнули по его груди, лаская огрубевшую кожу. Она шептала ему на ухо слова древнего приворота, от которых тело ветерана МВД мелко дрожало, готовое отдаться любой команде.

Эльвира поднесла раскаленную магическую иглу к лопатке Толика. Это было не просто нанесение логотипа компании. Это было клеймение плоти, проникновение магии прямо в кровь, сплетение боли и экстаза в один неразрывный узел, который навсегда свяжет их мужскую сущность с ненасытной волей ковена. Игла коснулась кожи, раздалось тихое шипение, и Толик запрокинул голову, издав крик, в котором не было муки — лишь ослепительная, разрушительная эйфория раба, принимающего метку своей госпожи.

Макс сцепил зубы так, что заныли челюсти.

Ветер из приоткрытой двери запасного выхода охлаждал его голую спину. Свобода была в двух шагах. Он мог просто встать и уйти, оставив этих двоих тонуть в сладком, липком болоте вечного подчинения. В конце концов, они сами выбрали эту слабость.

Но кровь десантника, привыкшего доверять свою спину товарищам, вскипела. Он смотрел, как сильные мужские тела превращаются в покорные, безвольные инструменты чужой похоти, и первобытный инстинкт воина затмил инстинкт самосохранения. Десант своих не бросает. Даже если враг — это соблазнительные суккубы, а поле боя — текстильная фабрика.

Макс медленно поднялся с колен. Его взгляд упал на массивный разводной ключ, лежащий в открытом ящике с инструментами. Тяжелый, холодный, прямой кусок литой стали.

Он взял его в руки, взвешивая. Рядом лежал моток синей изоляции.

Макс оторвал край упругой, чуть липкой ленты. Его движения были неторопливыми, методичными, почти ритуальными. Он начал туго обматывать металлическое древко ключа. Виток за витком. Резина натягивалась, плотно облекая твердую сталь, скрывая ее под непробиваемым для магии слоем изоляции. Каждый новый оборот ленты отдавался в его пальцах предвкушением грядущей схватки.

Он создавал свое орудие. Орудие, которое не поддастся их чарам. Орудие, которое проникнет в самое сердце их магической паутины и разрушит ее изнутри.

Оторвав ленту зубами, Макс крепко сжал подготовленный ключ в ладони. Кожа на костяшках побелела. Тело, еще недавно изнывавшее от неги, теперь превратилось в сжатую пружину, тугой комок мышц и чистой, холодной ярости.

Партизанская война началась. И он собирался сыграть с этими ведьмами в игру, где ставки были куда выше, чем просто наслаждение.

Спускаясь еще глубже в чрево фабрики, туда, где гудение мощных вентиляционных турбин сливалось с тяжелым, влажным дыханием самого здания, Макс почувствовал, как меняется атмосфера. Приторный аромат мускуса уступил место резкому, будоражащему запаху нагретого пластика и холодного металла.

Он толкнул тяжелую гермодверь с табличкой «Серверная». Внутри, в мерцающем полумраке, расцвеченном россыпью синих и зеленых индикаторов, царил пульсирующий, монотонный ритм работающих машин. Эти вибрации глубоко проникали в тело, отзываясь легкой, дразнящей дрожью внизу живота.

И там, в самом центре этого технологического святилища, на кожаном офисном кресле сидела она. Зоя.

Ее нагота была иной — не выставленной напоказ для подчинения, а небрежной, продиктованной духотой помещения. На ней были лишь крошечные черные трусики и мужская фланелевая рубашка, расстегнутая настежь и не скрывающая бледных, идеальных полусфер груди с напряженными, потемневшими от прохлады кондиционеров сосками. Она сидела, закинув стройные босые ноги на системный блок, и медленно, с тягучим наслаждением потягивала жидкость из запотевшей алюминиевой банки энергетика. Ледяные капли конденсата скатывались по ее длинной шее, исчезая в ложбинке между грудями.

Она не испугалась, когда Макс вошел. Лишь лениво перевела на него взгляд, в котором блеснул острый, лихорадочный, абсолютно трезвый ум.

— Значит, иммунитет от контузии? — ее голос был низким, с хрипотцой, от которой у Макса по спине пробежала горячая волна. — Забавно. А я думала, я здесь одна такая... несломленная.

Макс тяжело сглотнул, не в силах оторвать взгляд от ее влажных, приоткрытых губ.

— Почему магия на тебя не действует? — хрипло спросил он, делая шаг ближе.

Зоя усмехнулась, проведя прохладным донцем банки по своей ключице.

— Моя кровь — это слишком горький коктейль, Макс. В ней столько кофеина, таурина и антидепрессантов, что их сладкий, липкий приворот просто не усваивается. Моя меланхолия — мой щит. К тому же... — ее глаза сузились в хищные щелочки, — я ненавижу этих напыщенных суккубов из бухгалтерии. Они обладают древней властью, но заставляют меня чинить им принтеры. Какое пошлое применение магии.

Она спустила ноги на пол, оказавшись вплотную к нему. Ее тело источало жар, смешанный с запахом цитрусового энергетика и женского естества.

— Они не просто дурят мужикам головы, — прошептала Зоя, скользя тонкими пальцами по его обнаженной груди, обводя контуры мышц. — Эта фабрика... она стоит на разломе геомантической линии. Древнее место силы. А их ткацкие станки — это алтари. Они вплетают заклинания подчинения и похоти прямо в волокна шелка, в каждое кружево нижнего белья, которое отправляют в магазины. Они хотят опутать этой сетью весь город.

Но Макс уже едва слышал слова. Вибрация серверов, ее дразнящая близость и электрическое напряжение между ними сорвали последние тормоза. Ему нужна была эта резкая, настоящая, свободная от магии женщина. А ей, измученной электронным одиночеством, нужен был живой огонь его грубой силы.

Он выбил банку из ее руки. Алюминий со звоном покатился по полу, проливая сладкую жидкость. Макс властно обхватил ее за талию, прижимая к прохладной металлической стойке серверного шкафа. Зоя жадно выдохнула, подаваясь ему навстречу.

Ее губы были холодными и сладкими, но язык, проникший в его рот, обжигал неистовой страстью. Это был грубый, отчаянный поцелуй двух выживших в царстве безумия. Она вцепилась ногтями в его спину, ее бедра инстинктивно раздвинулись, приглашая его войти.

Слияние было резким, глубоким и ошеломляющим. Зоя запрокинула голову, обнажив незащитную шею, и издала долгий, вибрирующий стон, который потонул в гудении вентиляторов. Металл охлаждал ее спину, но внутри нее полыхал пожар. Макс задал жесткий, настойчивый ритм, и она отвечала на каждый его толчок с яростной, почти первобытной жадностью. Их тела скользили друг по другу, блестя от пота, сплетаясь в экстатическом танце плоти на фоне мигающих огней серверов. Каждое движение было пропитано вызовом, каждая капля наслаждения — триумфом реальности над сладким магическим дурманом.

Когда горячая волна разрядки наконец накрыла их обоих, Зоя судорожно сжала его в своих объятиях, тяжело и прерывисто дыша ему в плечо.

Они стояли так несколько минут, впитывая тепло друг друга, пока реальность не напомнила о себе глухим ударом где-то на верхних этажах.

Зоя неохотно отстранилась. В ее глазах теперь горел опасный, мстительный огонь. Она подошла к рабочему столу, ее обнаженные ягодицы соблазнительно покачивались при каждом шаге, и достала из ящика крошечный беспроводной наушник.

Она вернулась к Макс, мягко вложила устройство ему в ухо и провела пальцем по его мокрой от пота щеке.

— Я буду твоей Ариадной в этом лабиринте разврата, — прошептала она, прикусив его мочку. — Я подключилась к камерам и датчикам движения. Я буду твоим голосом, Оракулом, который проведет тебя через их шелковые ловушки. Иди, Макс. Разрушь их империю. И когда закончишь... — она хищно облизнула губы, — возвращайся. Мы еще не закончили калибровку системы.

Крошечный наушник, прохладный и гладкий, уютно устроился в его ухе, но дыхание Зои, все еще обжигающее его щеку, волновало куда сильнее любых технологий. Макс смотрел на нее — на эту современную жрицу цифрового подземелья, чья нагота в неоновом свете серверов казалась куда более магической, чем любые привороты ковена.

Фланелевая рубашка окончательно соскользнула с одного ее плеча, обнажая нежную, влажную от испарины кожу и тяжелую, идеальную полусферу груди. Сосок, все еще болезненно-твердый после его жадных губ, дразняще темнел в пульсирующем синем свете индикаторов. Зоя не пыталась прикрыться. В ее расслабленной, тягучей позе читалась та абсолютная, бесстыдная свобода плоти, которую воспевали древние гетеры, свобода, не нуждающаяся в подчинении или заклинаниях.

Макс закрыл глаза, позволяя себе на мгновение впитать это послевкусие. Терпкий аромат ее возбуждения, осел глубоко в его легких. Он вдруг осознал философскую, почти сакральную суть того, что между ними произошло. Их спонтанное, яростное слияние было не просто актом похоти. Это был манифест реальности. Против искусственного, липкого, гипнотического морока ведьм, обращающего мужчин в безвольных кукол, Зоя дала ему самое сильное противоядие — чистую, первозданную страсть, добровольную и обоюдно всепоглощающую.

Она крестила его в купели подлинного желания, и теперь он был неуязвим.

Макс медленно поднял с пола свой модернизированный инструмент. Изолента на рукояти еще хранила тепло его собственных пальцев. Он не стал застегивать куртку. Ему хотелось, чтобы прохладный, затхлый воздух фабричных коридоров остужал его обнаженную грудь, обострял чувства, заставляя каждый нерв вибрировать в предвкушении грядущей охоты.

Зоя, грациозно потянувшись, словно сытая пантера, опустилась обратно в глубокое кожаное кресло. Ее обнаженные бедра мягко скользнули по темной обивке, когда она придвинула к себе микрофон. На экранах перед ней замелькали десятки изображений с камер наблюдения — сплетение коридоров, цехов и теней.

Она посмотрела на Макса поверх мониторов. В ее полуприкрытых глазах мерцало обещание неисчислимых наслаждений, ради которых стоило разрушить этот мир до основания.

— Я вижу их, Макс.... — ее голос зазвучал не снаружи, а прямо в его голове, скользя по нервным окончаниям, как интимная, влажная ласка среди цифрового шипения. — Они на втором этаже, возле красивых чанов. Слишком самоуверенные. Слишком неосторожные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.